

ПЛУГ И САВАН

Necro graph

Плуг и Саван

«Автор»

2026

graph N.

Плуг и Саван / N. graph — «Автор», 2026

Рассказ о девятнадцатилетнем Итане Блэре из нищей деревни в Империи Чистого Света. Столкнувшись с угрозой со стороны инквизиции, он решается на отчаянный шаг. Получив запретную силу, Итан ступает на опасный путь, балансируя на грани безумия и постепенно теряя человечность. Эта масштабная история проведет героя через индустриальные трущобы и тайны королевских дворов, где ему предстоит бросить вызов тирании.

© graph N., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 : Цена серой овсянки	5
Глава 2 - Запах холодного очага	8
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Necro graph

Плуг и Саван

Глава 1 : Цена серой овсянки

Книга 1. Прах и поршни

«Ибо ложью засеяли они пашню, и пеплом омыли руки свои, и пролили кровь праведника в прах. Но из самой черной топи, где кости не знают покоя, восстанет Тень. Церковь Чистого Света ковала чугуны, дабы сковать невольников, но железо расточится в прах, когда заговорит мертвая плоть. Ибо грядет тот, кто сделает кость свою опорой, а гнев свой — законом» - Предсказатель событий Церкви Чистого Света Аллуриус Нагвил III.

Перед тем как земля Оутфилда окончательно умерла, Итан Блэр научился различать тридцать оттенков серого цвета. Серым было небо, круглый год затянутое жирным, маслянистым смогом со стороны далеких промышленных городов Империи Чистого Света. Серой была река, в которой уже три года не водилось ничего, кроме слепых головастика и плотвы, которую покрывали одинокие мазутные пятна. Серой была овсяная каша, которую они с отцом и сестрой делили на троих дважды в день, экономя каждую крупицу. Даже солнце, пробивающееся сквозь вечную пелену облаков, казалось тусклой, остывающей монетой, не способной дать тепла смертным. В этом мире сама радость была объявлена вне закона, а выживание превратилось в бесконечную, монотонную пытку.

Девятнадцатилетний Итан Блэр стоял посреди поля, тяжело опираясь на деревянные рукояти старого, иссеченного глубокими трещинами плуга. Юноша был высоким, угловатым, чье тело сформировалось годами хронического недоедания и непосильного труда. Его бледная, почти прозрачная кожа покрывалась постоянным слоем въевшейся угольной пыли и сухой грязи, которую уже давно не смывала ледяная колодезная вода. Ввалившиеся скулы и темные круги под глазами выдавали крайнюю степень истощения. Жесткие темно-каштановые волосы были небрежно обрублены отцовским охотничьим ножом, чтобы не лезли в глаза во время работы. Одет Итан был в серую холщовую рубашу с оборванными обшлагами и широкие штаны из грубой мешковины, подпоясанные куском толстой просмоленной веревки. На ногах его держались тяжелые ботинки из воловьей кожи — левый мысок давно протерся и обнажал серую ткань портянки, жадно впитывающей холодную влагу пашни.

Все его движения были медленными, экономными, словно он берег каждую крошечную каплю жизненной энергии. Взгляд, тяжелый и лишенный всякой юношеской наивности, был постоянно сфокусирован на грязи под ногами. Когда он задумывался или испытывал скрытую злость, то бессознательно принимался тереть ладонью старый, побелевший шрам на левом запястье — след от детского пореза ржавым серпом. От него остро пахло горькой полыньей, речной сыростью и кислым потом человека, который работает на износ.

Парень сплюнул под ноги. Слюна была вязкой и горькой от торфяного дыма, горевшего на дальних болотах. Земля Оутфилда, пограничного захолустья, не просто истощилась за годы неурожаев — она медленно загнивала. Каждое утро, выходя в поле, Итан выковыривал из борозд черные, склизкие колосья озимой пшеницы. Они покрывались жуткой маслянистой слизью и больше напоминали гниющие человеческие пальцы, тянущиеся из недр могилы, чем пищу. Местный священник, отец Малахия, на воскресных проповедях утверждал, что эта гниль — испытание веры для грешников, и нужно лишь усерднее молиться, смирять гордыню и исправно платить церковную десятину. Но он, несмотря на всю свою крестьянскую простоту, знал: молитвами пустой желудок не обманешь, а Бог Чистого Света, кажется, никогда не загля-

дывал в их грязное пограничье. Его стерильная магия белого пламени правила в столице, а здесь оставалась лишь серость.

Сзади слышался тяжелый, натужный кашель, переходящий в сухой хрип, сопровождаемый шарканьем разваливающихся сапог. Итан не оборачивался. Он слишком хорошо знал этот звук. К нему, волоча за собой старую, местами облезлую овечью шкуру, шел Томас Блэр, его отец. Тяжелый крестьянский труд превратил этого человека в согбенного старика к сорока годам. Томас Блэр был высоким мужчиной, но его спина оказалась настолько сильно изогнута дугой, будто земля Оутфилда физически тянула его к себе каждую секунду жизни, приглашая лечь в могилу. Его серая, высушенная ветрами кожа на лице напоминала потрескавшуюся дубовую кору, а в глубокие трещины на широких ладонях настолько прочно въелась черная грязь, что её невозможно было отмыть никаким мылом.

Его отец носил засаленную, стократно латанную холщовую рубаху, из-под которой виднелись худые, обтянутые кожей ключицы, а его тяжелые сапоги, перевязанные бечевкой у лодыжек, жалобно чавкали при каждом шаге. Он почти никогда не поднимал головы, постоянно выискивая что-то в бесплодной почве, а его пальцы непрерывно дергались, будто бессознательно перебирали невидимые зерна. От него остро пахло сухой полынью, овечьим потом и едким, дешевым махорочным табаком, который он жевал круглые сутки, чтобы просто заглушить постоянное урчание в голодном желудке.

Лицо отца казалось мертвой маской. Он подошел ближе, его узловатая ладонь тяжело опустилась на плечо сына, заставив Итана Блэра слегка прогнуть колени от неожиданной тяжести.

— Стой, парень, — хрипло выдохнул хозяин семьи, и его тусклые, слезящиеся глаза встретились с холодным взглядом сына. — Сделай перерыв. Лошадь больше не потянет. Глянь на ее бока. Если загоним Старуху сегодня, к утру у нас не останется вообще ничего.

Итан перевел взгляд на их единственную кобылу, костлявую клячу, которая едва держалась на ногах в десяти шагах от них. Животное тяжело, прерывисто дышало, из его ноздрей вырывался густой, вонючий пар, а худые колени мелко дрожали от перенапряжения. Старуха была ровесницей Итана, и ее поджарые бока обтянули ребра так сильно, что кобыла казалась ходячим скелетом. Юноша промолчал, лишь сильнее сжав деревянные рукояти плуга. Ему не нужно было объяснять, что значит потерять лошадь. Если Старуха падет до начала первых серьезных заморозков, они не смогут закончить вспашку единственного уцелевшего клочка земли. А это значило, что весной им будет нечего сдавать в качестве налога Церкви Чистого Света.

А у Церкви были свои, не знающие жалости законы. Долги по налогам и недоимки по десятинам в пограничных землях Империи не прощались никогда. Если крестьянин не мог заплатить монетой или зерном, Церковь забирала живой налог. Младших детей из несостоятельных семей уводили в монастырские приюты на пожизненную отработку. При мысли о девятилетней сестре Лили Блэр пальцы Итана до боли, до хруста в суставах сжали дерево плуга. Дети, попавшие в эти приюты, никогда не возвращались домой. Из святых стен выходили живые куклы с абсолютно пустыми, стеклянными глазами. Они не помнили своих родителей, не знали своих прежних имен, умели только бесконечно ткать священные саваны для столичных аристократов и монотонно, без капли эмоций бормотать литании Солнцу. Церковные алхимики умели очищать разум детей от всего лишнего, превращая их в идеальных, безвольных слуг.

— Нам нужно пройти еще хотя бы три борозды, отец, — тихо, но удивительно твердо сказал сын. Его голос прозвучал резким контрастом к его истощенному телу. — Если мы не перевернем этот пласт сейчас, ночью придут заморозки с болот. Земля схватится коркой, и завтра железо ее просто не возьмет.

Отец долго смотрел на сына. В его тусклых глазах на одно короткое мгновение вспыхнуло что-то похожее на родительскую жалость и глубокий стыд за собственное бессилие, но эта искра тут же угасла, сменившись привычной, вековой крестьянской покорностью перед судьбой. Он молча полез в карман, достал кусок сушеного табачного листа и сунул его в рот, принимаясь ожесточенно жевать.

— Ладно, — глухо бросил старик. — Но впрягайся вместе со Старухой. Один она плуг из этой жижи не вытянет. Земля сегодня тяжелая, как свинец. Будто держит что-то изнутри.

Через десять минут Итан уже стоял в одной лямке рядом со старой кобылой. Грубая пеньковая веревка мгновенно врезалась в его худое левое плечо сквозь тонкую, протертую ткань рубахи. Под веревкой затрещала старая рана, кожа лопнула, и по левому боку потекла первая горячая струйка крови. Юноша наклонился вперед, почти параллельно земле, упираясь разбитыми носками ботинок в скользкую, холодную грязь пашни.

— Взяли! — крикнул Томас сзади, налегая всем своим весом на хвост плуга.

Итан взревел. Звук, вырвавшийся из его груди, был похож на хриплый рык раненого животного. Перед глазами мгновенно поплыли жирные черные круги, мышцы спины завязались в тугие, болезненные узлы, а легкие обожгло ледяным, сырым воздухом. Плуг со скрежетом сдвинулся с места, выворачивая наизнанку пласты жирной, иссиня-черной земли, пахнувшей торфом и речным илом. Кобыла жалобно захрипела, переставляя дрожащие ноги. Шаг. Еще шаг. Земля действительно не хотела поддаваться, словно налипая на лемех тоннами невидимого веса. Он чувствовал, как пот заливает глаза, смешиваясь с грязней, а кровь из растертого плеча медленно течет по груди, пропитывая холстину. Но он не останавливался. В его голове была только одна мысль: три борозды. Ради сестры. Еще три борозды.

Когда сумерки окончательно сгустились, превратив серый день в глухую темную ночь, они закончили. Колени Итана подгибались от усталости, левая портянка полностью промокла, а пальцы рук заоченели так, что он с трудом смог расцепить их, отпуская лямку. Кобыла Старуха стояла, опустив голову до самой земли, из ее пасти капала густая белая пена.

— На сегодня всё, — хрипло выдохнул старик, вытирая пот со лба грязной ладонью. — Веди лошадь в стойло, парень. А я соберу инструмент.

Парень молча взял Старуху за недоуздок. Животное шло за ним медленно, едва волоча ноги, спотыкаясь на каждом колышке. Юноша шел впереди, глядя на далекий, едва заметный огонек их покосившейся хижины на краю деревни. Надвигалась холодная ночь, и Итан Блэр знал, что дома их ждет лишь миска жидкой, серой каши и холодный сквозняк из щелей в стенах. Но пока этот огонек горел, у них еще оставался дом.

Дорога от поля до хижины тянулась через низину, где из болот выползал густой, похожий на грязную вату туман. В Оутфилде туман никогда не был белым или чистым; он нес в себе привкус речной ржавчины и далекого фабричного нагара, от которого на языке оставался стойкий металлический осадок. Ветер, дувший с торфяников, заставлял старые придорожные ивы жалобно скрипеть в темноте, словно те оплакивали погребенную под ними землю.

Итан шел медленно, принаравливаясь к тяжелому, шаркающему шагу кобылы. Старуха едва переставляла ноги, её голова висела так низко, что недоуздок почти волочился по скользкой колее. Пару раз кобыла останавливалась, мелко дрожа всем телом, и Итану приходилось мягко гладить её по исхудавшей, покрытой жесткими рубцами шее, шепча бессмысленные, но успокаивающие слова. Он чувствовал под своими пальцами каждое ребро животного, каждую натруженную жилу. Эта лошадь была единственным, что удерживало их хозяйство от окончательного падения в пропасть. Если она падет, они не смогут возить торф на продажу, а без этого гроша зимой не выжить.

Глава 2 - Запах холодного очага

Хижина Блэров стояла на самом отшибе деревни, ближе к старым торфяникам. Это было приземистое, покосившееся строение из грубого речного камня и серых, почерневших от постоянной сырости бревен. Из неровной каменной трубы в небо лениво поднималась тонкая струйка серого дыма — знак того, что дома кто-то был. Итан толкнул низкую скрипучую калитку, сколоченную из разномастных досок, и повел Старуху к навесу, служившему стойлом. Под навесом было сухо, но гулял сквозняк. Парень наживил недоуздок на железное кольцо, вбитое в столб, и бросил в кормушку охапку прошлогодней, наполовину прелой осоки — ничего лучшего для лошади у них просто не осталось. Кобыла даже не прикоснулась к еде. Она лишь уткнулась мордой в сухие стебли и тяжело, надрывно вздохнула, закрыв глаза.

Юноша повернулся к дому, вытирая грязные ладони о штаны. Дверь хижины приоткрылась еще до того, как он успел подойти к порогу. В полосе тусклого, желтоватого света показался невысокий силуэт. К нему, бесшумно ступая по деревянному настилу крыльца, подошла Лили Блэр, его младшая сестра. Это была девятилетняя девочка, хрупкая и болезненно тонкая, похожая на надломленный стебелек одуванчика, который мог унести первый же порыв болотного ветра. Из-за постоянного скудного питания её кожа имела прозрачный, почти фарфоровый оттенок, сквозь который на висках и тонкой шее отчетливо просвечивали синие жилки. Но главное, что бросалось в глаза на её бледном лице — это огромные, неестественно круглые глаза редкого, дымчато-серого цвета, в которых, казалось, отражалась вся тоска этого пограничья.

Жидкие светлые волосы были небрежно заплетены в одну тонкую косичку, перевязанную обрывком серой шерстяной нити. Девочка была одета в перешитое из старого отцовского плаща платье, которое висело на ней мешком, и подшитые серым войлоком домашние чуни. Она двигалась с удивительной осторожностью, словно боялась потревожить и без того хрупкий покой этого дома, а говорила тихим, поющим колыбельным голосом, в котором сквозила странная, не по годам взрослая рассудительность. У Лили Блэр была редкая особенность: она обладала аномально чутким слухом и осязанием — часто могла угадать приближение брата по едва заметной вибрации половиц или уловить тончайшие изменения в запахе воздуха. От неё всегда пахло высушенной лавандой, которую она собирала летом, остывшей золой очага и старой бумагой от единственной уцелевшей в доме книги с церковными псалмами.

— Ит, — тихо позвала девочка, делая шаг на крыльцо. Её дымчатые глаза мгновенно сфокусировались на его левом плече, где сквозь прореху в холстине проступала темная полоса засохшей крови. — Ты опять впрягался вместо Старухи. Старая рана снова открылась. Кровь течет по левому боку.

— Земля была тяжелой, Лил, — Итан постарался улыбнуться, но лицо свело судорогой усталости. Он переступил порог, сразу наклоняя он голову, чтобы не удариться о низкий потолок. — Отец скоро придет, собирает инструмент на поле. Что у нас на ужин?

Лили закрыла за ним тяжелую дубовую дверь, тщательно задвинув деревянный засов. Внутри хижины царил полумрак. Единственным источником света был небольшой очаг, сложенный из темного речного сланца, где тлели несколько торфяных брикетов. Торф давал мало пламени, но много едкого, густого дыма, который выедал глаза и оседал сажей на низком потолке. У противоположной стены стоял грубый деревянный стол, пара хромых табуретов и широкие нары, застеленные соломенными тюфяками и старым тряпьем. В углу, под самодельным распятием в виде знака Восходящего Солнца, на полке стояла глиняная крынка и пара шербатых мисок.

— Я сварила остатки овсянки и добавила сушеной крапивы, которую мы собрали у реки в прошлом месяце, — сестра подошла к очагу, взяла тряпку и аккуратно сняла с огня закопченный железный котелок. — Настоящего масла нет. Только овечий жир. Совсем немного.

Итан сел на табурет, чувствуя, как его мышцы окончательно превращаются в свинец. Стоило ему расслабиться, как плечо отозвалось резкой, дергающей болью. Он аккуратно потянул ткань рубахи, та с треском отклеилась от ободранной кожи. Лили, не говоря ни слова, подошла сзади. Её маленькие, холодные пальцы коснулись его спины с удивительной осторожностью.

— Сильно горит? — спросила она, всматриваясь в рану своими огромными серыми глазами.

— Бывало хуже, — соврал парень. На самом деле кожа была содрана до мяса, и завтра лямка покажется ему раскаленным железом. Но показывать слабость перед сестрой он не имел права. — Главное — мы перевернули пласт. Если завтра погода простоит без дождя, отец сможет раскидать остатки навоза.

Лили отошла к полке, достала небольшую глиняную баночку с мутной зеленоватой мазью — смесью свиного жира и корня лопуха, которую ей дала старая швея Марта с окраины деревни. Девочка принялась аккуратно втирать мазь в рану брата. Её движения были настолько легкими, что Итан почти не чувствовал боли, лишь приятный, остужающий холод.

— Сегодня в деревню приезжал староста, — тихо сказала Лили, не прерывая своего занятия. — Он ходил к мельнику Гриффиту. Я слышала, как они ругались у колодца. Староста говорил, что скоро из города приедет карета Исполнителей от Церкви Чистого Света. Они везут новые списки недоимок.

Пальцы Итана, лежавшие на коленях, непроизвольно сжались в кулаки. Новые списки. Это означало только одно — Церковь снова подняла подушную подать на нужды Империи. В прошлый раз, когда это случилось, их соседи лишились старшего сына. Парня увели в монастырские каменоломни, потому что они не смогли вовремя отдать три серебряных талера за право пользоваться речной водой.

— Пусть приезжают, — процедил Итан сквозь зубы, глядя на тлеющие в очаге угли. — У нас взять нечего. Земля пуста. Лошадь еле дышит. Если они хотят забрать этот булыжник вместо хлеба — пусть забирают.

— Они не возьмут булыжники, Ит, — Лили отняла руки от его плеча и отошла к столу, принимаясь раскладывать серую, комковатую кашу по мискам. В её голосе не было страха, только странная, леденящая душу пустота. — Староста сказал Гриффиту, что в этом году Церкви нужно больше послушников для ткацких мастерских в столице. Он говорил, что пограничные земли слишком погрязли в грехе неурожая, и единственный способ очистить их — отдать детей на служение Солнцу.

Итан резко обернулся. В полумраке хижины его лицо показалось бледнее, чем обычно, а челюсти были сжаты так, что на щеках заходили желваки. Он посмотрел на хрупкую фигуру сестры, на её тонкую шею и прозрачные ладони. Девять лет. Идеальный возраст для монастырского приюта.

— Никто тебя не заберет, Лил, — его голос упал до зловещего шепота. — Слышишь меня? Никто. Я скорее закопаю это поле своими руками, чем позволю им подойти к тебе.

Лили не ответила. Она лишь поставила перед ним миску с кашей, от которой поднимался слабый пар с запахом прелой травы, и села напротив. В её огромных серых глазах отражались тусклые угольки очага, и брату на мгновение показалось, что в этом взгляде нет ничего от обычного ребенка — только вековая, бездонная серость их умирающего мира.

Снаружи раздался тяжелый стук сапог по крыльцу. Засов на двери дернулся, и в хижину, неся с собой ледяной воздух болот и запах дешевой махорки, вошел отец - Томас Блэр. Его лицо было темнее грозовой тучи. Он даже не взглянул на еду. Он молча прошел к нарам, тяжело рухнул на солому прямо в грязных сапогах и уставился в потолок, ожесточенно жуя свой

табак. В хижине воцарилась тяжелая, давящая тишина, нарушаемая лишь свистящим дыханием уставшего старика и редким потрескиванием торфа в огне. Оутфилд медленно погружался в ледяную ночь, и эта ночь обещала быть очень долгой.

Утро в Оутфилде не принесло тепла. Оно лишь сменило глухую ночную тьму на знакомую свинцовую полусерость. Густой болотный туман осел на соломенные крыши хижин тяжелой, липкой росой, которая оставляла на деревянных заборах грязные, пахнущие ржавчиной потеки.

Итан проснулся до первых петухов. Его левое плечо, растертое вчерашней лямкой плуга, превратилось в одну сплошную, ноющую рану. Травяная мазь сестры лишь слегка притупила воспаление, и теперь кожа под холстиной казалась натянутой до предела. С трудом продев руку в рукав жесткой от пота рубахи, юноша стиснул зубы. Ткань мгновенно зацепила подсохшие сукровицы, рванув за собой края раны, и по спине поползла тонкая струйка свежей, горячей крови. Итан замер, пережидая вспышку боли, и бросил короткий взгляд на нары. Отец еще спал, тяжело и прерывисто хрипя во сне, а Лили тихо сопела под старым тряпьем, свернувшись крошечным калачиком.

Постаравшись не скрипеть гнилыми половицами, Итан снял с железного крюка у двери холщовый мешок. Внутри глухо стукнули друг о друга несколько десятков хвостов вяленой плотвы — всё, что ему удалось выудить из ржавой речки за последнюю неделю. Рыба была жесткой, как подошва, и горькой на вкус из-за торфяного дыма, но это был единственный товар, который он мог предложить мельнику. Им позарез нужна была хоть горсть чистой пшеничной муки. Овсяная шелуха, которой они давились изо дня в день, уже не переваривалась в детском желудке сестры — Лили слабела на глазах.

Выйдя на крыльцо, Итан жадно вдохнул сырой воздух. На чахлом кусте бузины у самой калитки он заметил странное: несколько нижних листьев покрылись темной, маслянистой слизью, точь-в-точь такой же, как на колосьях в поле. Гниль перебиралась с пашни на живую зелень у дома. Юноша нахмурился, поправил лямку мешка и вышел за ворота.

Дорога к центру деревни тянулась вдоль глубокого оврага. Оутфилд не отличался простором или богатством — это были три десятка покосившихся, сложенных из серого речного камня изб, лепившихся друг к другу вокруг небольшого холма. На вершине этого холма высилась белокаменная церковь. Ее идеальная, чистая белизна казалась чужеродной и зловещей среди окружающей грязи, словно надменный надсмотрщик, следящий за рабами.

У старого общественного колодца он встретил первую живую душу. Из тумана, волоча тяжелое дубовое ведро, вышла Марта, местная безумная швея, которую в деревне звали Ткачихой Саванов. Эта крошечная, высохшая старуха казалась старше самых старых ив у реки. Её волосы, белые и спутанные, как паутина, обрамляли лицо, покрытое такой густой сеткой глубоких морщин, что глаз почти не было видно. Она была одета в платье, сшитое из сотен разноцветных лоскутов ткани — Итан Блэр знал, что швея собирала куски одежды с покойников, которых хоронили на местном погосте. Кое-где на ткани виднелись бурые, застарелые пятна крови. Пальцы старухи, аномально длинные и тонкие, с почти прозрачными ногтями, непрерывно совершали движения в воздухе, будто она пряла невидимую нить. От Марты всегда пахло сыростью глубокого погреба, старой шерстью и нафталиновыми шариками. Она обладала пугающей оккультной чуткостью.

Старуха остановилась, резко повернув голову в сторону Итана. Её скрытые в складках кожи глаза уставились куда-то в область его левого, раненого плеча, с которого сквозь рубаху уже проступило темное влажное пятно. Марта слабо улыбнулась беззубым ртом и закивала пустому пространству рядом с юношей.

— Серый саван, длинный саван... — проскрипела она поющим, зловещим голосом, и её длинные пальцы с хрустом задержались в сыром воздухе. — Для хозяина или для гостя? Земля

просит костей, Итан Блэр. Земля голодна. Твоя кровь капает вниз, а они уже близко. Скоро приедет карета с золотыми колесами, привезет огонь.

— Доброго утра, бабка Марта, — парень постарался обойти её по широкой дуге, прижав мешок с рыбой к груди. К безумию швеи в деревне все привыкли, но сегодня её слова отозвались внутри него странной, леденящей тревогой.

— Не ходи к мельнице, парень, — бросила она ему вдогонку, резко оборвав свой жуткий напев. Её длинные ногти впились в край дубового ведра. — Жадный Гриффит сегодня не мелет муку. Он мелет страх. Скоро овечки прольют кровь, а пастух примерит кости.

Итан не остановился, лишь ускорил шаг, увязая ботинками в раскисшей колее. Через пять минут из тумана выплыл массивный силуэт деревянной мельницы. Её огромные крылья висели неподвижно, похожие на крылья подбитой хищной птицы. Вода в обводном канале лениво лизала замшелые лопасти нижнего колеса. Обычно здесь стоял оглушительный гул и приятно пахло свежим помолом, но сегодня у амбара толпились крестьяне. Человек десять мужиков в таких же серых лохмотьях, как у Итана, стояли хмуро, опустив головы. Среди них высился мельник Гриффит — плотный, широкоплечий мужчина с лицом, густо покрытым белой мучной пылью, из-за чего его глаза казались угольно-черными провалами на мертвой маске. Он яростно защищал свою шкуру.

— Я сказал — нет! — громынул голос мельника над притихшей толпой. Он крепко сжимал в руках тяжелый деревянный засов закрытых ворот амбара. — Вчера вечером церковный пристав опечатал закрома с чистым зерном. На скобах лежит сургуч Исполнителей. Всё, что смолото выше нормы, пойдет в счет уплаты общественной недоимки Оутфилда. Если я выдам вам хотя бы фунт, инквизиция сдерет с меня кожу и сожжет мою мельницу вместе со мной!

— Гриффит, побойся Солнца! — крикнул из толпы истощенный кузнец, чьи ребра отчетливо проступали сквозь прорехи в рубаше. Он сплюнул на землю слюной с прожилками крови — чахотка медленно добивала его. — Дети с голоду пухнут! Моя младшая уже два дня только теплую воду пьет, у нее сил ходить нет! Ей нужна хоть горсть отрубей!

— Вот у Бога и просите, — огрызнулся мельник, пряча взгляд. — Мне донесли, что церковный паровой котел уже ревет на тракте. Они скоро будут здесь. Если они найдут скрытое зерно — нам всем конец. Расходитесь по домам, мужики. Молитесь Чистому Свету. Или ложитесь в грязь и подышайте, мне плевать. Моя шкура мне дороже.

Итан замер на краю толпы, крепче сжав холстину своего мешка. Внутри его груди, прямо под содранной кожей плеча, медленно разрастался тугой, холодный узел. Вяленая рыба больше ничего не стоила. Чистой муки для Лили не будет. Жадный Гриффит защищал свою шкуру, Церковь забирала последнее, а карета Исполнителей уже приближалась к деревне. Именно в эту секунду, глядя на то, как Гриффит воровато оглядывает толпу перед тем как уйти к прирубам, он принял свое первое роковое решение. Он не пойдет домой. Он останется в тумане у реки и возьмет то, что ему отказались дать.

Толпа у мельницы медленно редела, неохотно растворяясь в грязно-серой болотной пелене. Мужики брели группами по двое и трое, низко опустив головы и пряча пустые холщовые мешки под потертые куртки. Их лица, иссеченные глубокими морщинами от вечной заботы и бледные от недоедания, выражали тупую, почти животную покорность судьбе. Они глухо, вполголоса переговаривались о том, сколько им придется отдать из своих скудных подпольных запасов, чтобы удовлетворить аппетиты Исполнителей, и чья именно семья в Оутфилде этой зимой лишится ребенка. Каждое слово тонуло в сыром воздухе, оставляя после себя лишь горькое послевкусие бессилия.

Итан не уходил. Он затаился в гнилой, пахнущей сыростью тени старой раскидистой ивы, росшей у самого края обводного канала. Ветви дерева, покрытые редкими пожелтевшими листьями, свисали до самой воды, создавая идеальную завесу. Сквозь эту плотную серую мглу юноша неотрывно наблюдал за мельником.

Его левая рука судорожно сжимала холстину бесполезного мешка с вяленой рыбой. Лямка плуга, содравшая вчера кожу на плече, горела огнем под грубой рубахой. Ткань намертво присохла к открытому, воспаленному мясу. При каждом глубоком вдохе Итан чувствовал, как рана рвется, выпуская новые капли горячей, липкой крови, которая медленно ползла по ребрам и холодила пояс штанов. Но эта резкая физическая боль сейчас была его союзником — она помогала оставаться собранным, разгоняла туман в уставшей голове и не позволяла поддаться отчаянию. В его мыслях, как тяжелые жернова, прокручивались слова мельника: «Всё, что смолото выше нормы, пойдет в счет уплаты общественной недоимки...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.